

ИРИНА
НАУМОВА

ЗНАХАРКА С ДИПЛОМОМ
(НЕ) ТВОИ НАСЛЕДНИЦЫ

ИРИНА НАУМОВА

ЗНАХАРКА С ДИПЛОМОМ

(НЕ) ТВОИ НАСЛЕДНИЦЫ

Ирина Наумова

Знахарка с дипломом.

(Не) твои наследницы.

<https://litres.ru/74320597>

Аннотация

— Это мои дети, Василиса. Твоё вранье больше не работает, — его голос звучит как приговор. — Собирайся. Вы едете в мой дом. — Ты ошибаешься, Кирилл. У тебя никогда не будет детей. Уходи, пока я не вызвала охрану. — Попробуй, — он делает шаг в моё пространство, и я кожей чувствую холод его власти. — Но помни: я купил эту клинику только ради того, чтобы забрать то, что принадлежит мне по праву.

Десять лет назад я сбежала из родного села, оставив там разбитые мечты и жгучую обиду. Я выжила. Стала врачом. Научилась скрывать свой опасный дар исцеления и растить двух дочек, которые — моя жизнь и моя самая большая тайна.

Я думала, что прошлое мертво. Но судьба привела в мою палату Его. Кирилл Вершинин — человек, который когда-то хотел меня сломать, теперь нуждается в моей помощи. Он ослеп и разбит, но всё так же опасен.

А за моей спиной стоит Иван. Тот, кого я считала другом, но кто стал единственным мужчиной в моей жизни в ту роковую

ночь. Теперь они оба здесь. Один хочет отобрать моих детей, другой — защитить их любой ценой.

Но кому из них я смогу доверить своё сердце, если оно давно превратилось в лед?

В книге вас ждут:

#Встреча_через_годы — старые раны и новые чувства;

#Двойня — очаровательные, но характерные дочки;

#Противостояние_героев — битва за женщину и право на отцовство;

#От_ненависти_до_любви — путь исцеления души;

#Сильная_героиня — врач с тайным даром;

#Властный_герой — который привык получать всё, но столкнулся с той, кого нельзя купить.

Обязательный Хэппи-Энд!

Содержание

Глава1	5
Глава2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8(Кирилл)	54
Глава 9	61
Глава10	66
Глава11	74
Глава12(Иван)	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1

Июнь в Тверской области пахнет одуряюще: густой, липкий аромат цветущей сирени мешается с прохладой реки и пылью проселочных дорог. В ту ночь этот запах казался мне ароматом самой свободы. Я стояла перед зеркалом в нашей тесной прихожей, поправляя подол белого платья, которое мама выбирала в Твери три выходных подряд. Простое, скромное, с кружевным воротничком — оно идеально подходило «золотой медалистке» Василисе Мироновой.

Тихая, прилежная, гордость школы. Если бы кто-то тогда заглянул мне в душу, он бы ужаснулся тому пожару, который там полыхал.

— Вася, доченька, ты красавица, — мама всплеснула руками, и я увидела в её глазах блеск слез. — Вот и всё. Взрослая жизнь. Завтра уже за билетами в Москву поедем...

Я только кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Горло перехватывало не от страха перед Москвой, а от одной мысли, что сегодня я в последний раз увижу его.

Кирилл Вершинин. Имя, которое я повторяла про себя как молитву все пять лет учебы. Сын владельца агрохолдинга, парень на спортивной иномарке, чья улыбка стоила мне сотен бессонных ночей над учебниками. Я училась на «отлично» не для родителей — я хотела, чтобы он хотя бы раз посмотрел на меня не как на часть школьного интерьера, а

как на равную.

Школьный зал Зареченской средней школы гудел от музыки. Старые колонки хрипели, пытаясь выдать модные хиты, а воздух был настолько плотным от дешевого дезодоранта и девичьих духов, что его можно было резать ножом.

Я сидела за столом с учителями, как и подобает медалистке, вежливо улыбалась директору, а сама глазами искала в толпе его. Кирилл был в центре. Белая рубашка с расстегнутым воротником, холеные руки, небрежно закинутае на плечи двух девчонок из параллельного класса. Он смеялся, и этот смех казался мне самой прекрасной музыкой на свете.

— Вась, ты чего не танцуешь? — рядом со мной возник Иван.

Мой сосед. Мой верный рыцарь с разбитыми коленками из детства. Ваня был одет в костюм, который явно был ему мал в плечах — за последний год он раздался, возмужал, в его взгляде появилось что-то тяжелое, взрослое.

— Устала, Вань, — соврала я, стараясь не смотреть на его руки.

Иван всегда пах деревом и честностью. Он был понятным, надежным, как старый дуб у нашей калитки. Но моё глупое сердце требовало не дуба, а слепящей молнии.

— Потанцуем? Медляк скоро, — он протянул руку, и в его глазах промелькнула такая надежда, что мне стало больно.

— Прости, Вань. Позже, ладно?

Я видела, как он сжал кулаки, кивнул и отошел к окну. А через минуту мир перевернулся.

Музыка сменилась на медленную, тягучую мелодию. И Кирилл, отцепив от себя девчонок, вдруг направился прямо к учительскому столу. Моё сердце пропустило удар. Оно просто остановилось.

— Василиса Прекрасная, — раздался его голос, с той самой хрипотцой, от которой у меня подгибались колени. — Окажешь честь худшему ученику этого класса?

Учителя заулыбались, директор одобрительно кивнула. А я... я просто вложила свою ладонь в его горячую, сильную руку.

Мы вышли в круг. Он притянул меня к себе гораздо ближе, чем требовали приличия. Я чувствовала запах его дорогого парфюма — цитрус и табак. Запах чужой, богатой жизни.

— Ты сегодня какая-то другая, Миронова, — шепнул он мне прямо в ухо, обжигая дыханием кожу. — Сбросила чешую зануды? Под этим кружевом скрывается что-то интересное?

Я вспыхнула до корней волос. Моя скромность боролась с диким, животным восторгом.

— Я всё та же, Кирилл.

— Ой, не лги, — он усмехнулся, и его рука на моей талии скользнула чуть ниже, чем полагалось. — Ты медалистка, тебе положено знать, что от химии не убежишь. Чувствуешь? Я чувствовала только, как земля уходит из-под ног.

— Пойдем отсюда, — вдруг сказал он, не разрывая танца. — Тут душно. У меня в кабинете химии осталась заначка... отметим твою медаль по-взрослому.

Кабинет химии на втором этаже был открыт — Кирилл заранее договорился со сторожем или просто стащил ключи. Мы вошли в темноту, освещенную лишь лунным светом, падающим через высокие окна. Пахло реактивами и пылью.

— Кирилл, нам нельзя здесь быть... — начала я, но он резко прижал меня к стене.

Его поцелуй был не таким, как в моих мечтах. Он не был нежным. В нем была ярость, собственничество и пугающий холод. Он целовал меня так, будто брал то, что принадлежит ему по праву владения. Его руки стали смелее, они бесцеремонно сминали нежное кружево маминого подарка.

— Ты ведь этого хотела, да? — прохрипел он, отрываясь от моих губ. — Строила из себя святую, а сама глаз с меня не сводила. Ну давай, отличница, покажи, на что ты готова ради Вершинина.

Он потянул за молнию на спине моего платья. И в этот момент пелена с моих глаз спала. В его взгляде не было любви. Там было ледяное, циничное любопытство. Я была для него

не девушкой, а очередным достижением. Галочкой в списке «что я еще не пробовал в Заречье».

— Нет, — я уперлась руками в его грудь. — Перестань. Кирилл, не так...

— А как? — он зло рассмеялся, перехватывая мои запястья одной рукой. — С цветами и клятвами? Вася, не смейся. Ты из Заречья, я — Вершинин. Это твой счастливый билет. Другого шанса прикоснуться к моей жизни у тебя не будет.

Он рванул ворот платья, и звук рвущейся ткани показался мне выстрелом. В голове вспыхнули слова бабушки Вассы: «Никогда не позволяй ломать свою волю, внушка. Сила в тебе проснется, когда ты себя защитишь».

Я не знала тогда ни о какой силе. Я просто почувствовала, как внутри меня что-то оборвалось. Смертельная обида вытеснила любовь.

Моя рука взметнулась сама собой. Хлесткий, звонкий удар обжег ладонь.

Кирилл отшатнулся. Его голова дернулась в сторону. На холеной щеке медленно проступал красный след от моих пальцев.

В кабинете воцарилась звенящая тишина. В лунном свете его глаза казались черными провалами.

— Ты... ты меня ударила? — его голос стал тихим, и от этого звука по моей спине пробежали мурашки. Это был го-

лос зверя, которого задели за живое.

— Я не вещь, Кирилл, — мой голос дрожал, но я стояла прямо. — И я не твой билет в развлечения.

Я развернулась и бросилась к двери. Сердце колотилось в горле. Я бежала по темному коридору, слыша за спиной его тяжелое дыхание и тихий, полный яда шепот:

— Ты еще пожалеешь об этом, Миронова. Ты приползешь ко мне сама.

Я выскочила на школьный двор, жадно хватая ртом ночной воздух. Платье было безнадежно испорчено, как и моя первая любовь. Я не знала, что через неделю этот человек устроит ловушку, из которой я уже не смогу выйти прежней.

И я не видела, что в тени школьных ворот стоит Иван. Он видел всё. И в его глазах в ту ночь загорелось что-то такое, чего я испугалась бы еще больше, чем угрозы Кирилла.

Я бежала домой, прижимая разорванную ткань к груди, и не знала, что под моими пальцами, прямо там, где пульсировало обиженное сердце, начинает зарождаться странное, пугающее тепло.

Моя сила просыпалась. Но цена её была слишком велика.

Глава2

Белое платье с выпускного лежало на кровати, как подстреленная птица. Кружево на спине, разорванное сильной рукой Кирилла, сиротливо топорщилось. Я трижды вдевала нитку в иголку, но пальцы не слушались, дрожали. В голове до сих пор звенел тот хлесткий удар, который я отвесила «королю школы» в кабинете химии. Моя ладонь всё еще горела, но это было не то странное целительное тепло, о котором шептала бабушка. Это была чистая, концентрированная ярость.

— Вася, ты скоро? — мама заглянула в комнату, вытирая руки о передник. — Папа уже машину завел, за билетами в Тверь пора..

— Иду, мам.

Смартфон на тумбочке завибрировал. Сообщение в общем чате класса. Я открыла его, ожидая насмешек, ведь после той ночи всё Заречье только и гудело о том, как «тихоня Миронова заехала по лицу самому Вершинину». Кто-то видел, как я вылетала из кабинета, кто-то слышал его крики... Слухи в нашем селе распространялись быстрее пожара.

Я скрыла от родителей правду о порванном платье и о том, что он пытался со мной сделать — побоялась, что отец возьмется за ружье. Но о самой пощечине они, конечно, уже знали от соседей. Мама три дня ходила сама не своя, причитая,

что теперь нам «жизни не дадут».

Но в чате я увидела совсем другое.

«Народ, сорян за мой косяк на балу. Перебрал лишнего, вел себя как придурок. Особенно перед нашей медалисткой неудобно — полез к ней с какими-то тупыми шутками, вот и схлопотал по делу. Вася, прости дурака, бес попутал. В следующую субботу жду всех у себя в особняке...»

Ниже стоял смайлик с виноватой мордашкой. Группа взорвалась восторгами. «Кирюха красава!», «Наконец-то оторвемся!», «Миронова, ну ты его и приложила!».

Я смотрела на экран, чувствуя, как внутри ворочается холодное предчувствие. Кирилл Вершинин никогда не прощал обид.

— Вася, ты видела? — мама заглянула в комнату, и её лицо впервые за эти дни разгладилось. — Кирилл-то, оказывается, совестливый парень. Признал, что сам виноват, не стал на тебя зло держать. Сходи, дочка. Обязательно сходи. Нам здесь еще жить, отцу на ферме работать... Нужно, чтобы люди видели: вы помирились. Закрой этот скандал, ради бога.

Вот он, главный аргумент. В нашем селе Вершинины были богами. Раз бог изволил публично признать свою «шутку» неудачной, я была обязана принять эту милость, чтобы тень гнева его отца не пала на наш дом.

Суббота выдалась душной. Небо затянуло маревом, предвещающая грозу, которая никак не могла разродиться дождем. Я надела старые джинсы и простую футболку — никакого

больше кружева, хватит с меня «принцесс».

У калитки меня ждал Иван. Он стоял, опершись на свой старый мотоцикл, и его лицо было темнее тучи. В руках он крутил шлем, костяшки пальцев были сбиты — видимо, опять тренировался на груше в гараже.

— Не ходи туда, Васька, — вместо приветствия бросил он. — Чует мое сердце, не к добру это «покаяние».

— Вань, ну началось, — я попыталась обойти его, но он преградил путь. — Весь класс идет. Что он мне сделает при всех? Родители просили не нагнетать. Тебе лишь бы подраться с ним.

— Я не драться хочу, а чтобы ты в дерьмо не вляпалась, — он сделал шаг ко мне, и я почувствовала знакомый запах: свежая древесная стружка и бензин. — Он как побитый пес хвостом виляет, а сам зубы скалит. Поехали лучше на реку? Костер разведем, посидим по-человечески.

— Нет, Вань. Я пойду. Попрощаюсь со всеми и закрою эту тему. Ты просто ревнуешь, как обычно.

Иван замер. В его серых глазах плеснулась такая обида, что мне захотелось забрать свои слова назад. Но я лишь упрямо вскинула подбородок.

— Ревную? — тихо переспросил он. — Да я за тебя дышать боюсь, дура ты медалистка. Ладно. Иди. Но если что — звони. Сразу звони.

Он резко надел шлем, завел мотор и сорвался с места, обдав меня облаком пыли. Я проводила его взглядом, чувствуя,

как на душе скребут кошки. Но отступать было поздно.

Особняк Вершининых возвышался на холме, отделенный от остального Заречья высоким забором с коваными пиками. Здесь был другой мир: идеально подстриженные газоны, каменные дорожки и голубая чаша бассейна, в которой уже кто-то громко плескался.

— Вася! Пришла! — ко мне подскочила Светка, моя одноклассница, уже изрядно «веселая». — Смотри, какая тут круть! Еда из ресторана, напитки — зашибись!

Музыка била по ушам так, что вибрировали зубы. Кирилл стоял у барной стойки под навесом. В черной футболке, подчеркивающей разворот плеч, он выглядел как модель из журнала. Увидев меня, он широко улыбнулся и помахал рукой. Никакой злобы, никакой тени того подонка, что рвал на мне платье неделю назад.

— Доктор Миронова, — он подошел, ловко лавируя между танцующими. — Рад, что ты не злопамятная.

— Я пришла ненадолго, Кирилл. Просто попрощаться.

— Конечно-конечно, — он покивал, его глаза блестели в свете прожекторов. — Но сначала — мировую. Без этого не отпущу. У меня тут специальный коктейль для тех, кто едет покорять столицу. Безалкогольный, специально для нашей трезвенницы.

Он протянул мне высокий бокал с ярко-розовой жидкостью. Сверху плавала веточка мяты и долька лайма.

— За твою будущую карьеру, Вася. Пусть Москва примет

тебя так же нежно, как ты... — он осекся, усмехнувшись. — Короче, за мир.

Я помедлила. Искра тепла внутри меня, тот самый «бабушкин дар», вдруг кольнула ладонь холодком. Я инстинктивно отстранилась, но Кирилл продолжал держать бокал, глядя на меня открыто и прямо. Вокруг были десятки свидетелей. Светка, Серега, Иринка — все смотрели на нас.

«Не будь параноиком, — приказала я себе. — Он просто хочет загладить вину».

Я взяла бокал и сделала несколько глотков. Напиток был приторно-сладким, с сильным вкусом вишни и чего-то еще — пряного, терпкого. На самом дне горло обдало странной горечью, похожей на раздавленную таблетку анальгина.

— Молодец, — Кирилл забрал пустой бокал и подмигнул. — Развлекайся. Я скоро буду.

Прошло минут пятнадцать. Я стояла у края бассейна, пытаюсь поддержать разговор с Серегой о вступительных экзаменах, как вдруг поняла, что мир вокруг начинает меняться. Голос Сереги стал тягучим, словно замедленная запись на старой пленке. Проекторы расплылись в огромные пульсирующие медузы.

Я моргнула, пытаюсь сбросить наваждение, но стало только хуже. Внутри, там, где обычно жило приятное тепло, теперь разливалась тяжелая, липкая серость. Она гасила мои чувства, сковывала мысли.

— Вась, тебе плохо? — Серега потянулся ко мне, но его

рука показалась мне бесконечно длинной и уродливой.

— Я... мне нужно присесть, — прохрипела я. Собственный голос показался мне чужим, доносящимся из-под воды.

— Оп-па, медалистка перебрала! — раздался рядом насмешливый голос Кирилла. — Тише, тише, Миронова. На солнце перегрелась?

Он подхватил меня под локоть. Его пальцы впились в мою кожу, но я почти не чувствовала боли — только ватное онемение.

— Я отведу её в дом, там кондиционер, — бросил он кому-то через плечо. — Пусть полежит в гостевой спальне.

Я хотела сказать, что мне нужно домой. Что я хочу к маме. Что мне нужно найти Ивана. Но губы не слушались. Я только беспомощно переставляла ноги, пока Кирилл вел меня через террасу в прохладную глубину особняка.

Мы шли по коридору с мягким ковровым покрытием. Звуки музыки становились тише, сменяясь гулкой тишиной богатого дома. Мой дар, моя внутренняя сила, отчаянно билась в этой химической ловушке, пытаясь прорваться наружу, но серость в крови была сильнее. Она душила искру, превращая меня в послушную куклу.

Кирилл толкнул какую-то дверь. Это была спальня в темных тонах. Огромная кровать, тяжелые портьеры. Он бесцеремонно толкнул меня на одеяло. Я упала навзничь, глядя в потолок, который начал медленно вращаться.

— Что... что ты мне... дал? — выдавила я, борясь с нака-

тывающей тошнотой.

Кирилл не ответил. Он медленно снял часы, положил их на тумбочку. Затем подошел к двери.

Металлический щелчок замка прозвучал в тишине комнаты как приговор. Я попыталась приподняться, но руки подогнулись, и я снова рухнула на подушки. Тело было чужим, тяжелым, как будто набитым мокрым песком.

Кирилл обернулся. Его лицо, до этого казавшееся дружеским, теперь исказилось. Это была маска торжествующего охотника, который наконец-то загнал добычу в угол. Он медленно расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, не сводя с меня глаз.

— Думала, ударишь Вершинина и тебе ничего не будет, серая мышка? — прошипел он, подходя к кровати. — Думала, ты выше всех нас? Умная, правильная... святая Вася.

Он наклонился надо мной, и я почувствовала запах того самого коктейля от его дыхания. Но он был трезв. Отрезвляюще, пугающе трезв.

— Ты сама пришла, Миронова. Сама выпила. И никто не скажет, что я тебя заставлял. Все видели, как ты добровольно пошла со мной.

Он схватил меня за подбородок, заставляя смотреть на него. В его глазах я видела только своё отражение — бледную, беспомощную девчонку с расширенными зрачками.

— Теперь ты поиграешь по моим правилам, — его губы растянулись в ледяной, ядовитой ухмылке. — Я научу тебя,

как нужно вести себя с такими, как я. Ты запомнишь эту ночь на всю жизнь, медалистка.

Я хотела закричать, но из горла вырвался лишь слабый хрип. Ужас ледяной волной накрыл меня, когда он навалился сверху, прижимая моё тело своим весом. В этот момент я поняла, что Иван был прав. Но было слишком поздно.

Последним, что я зафиксировала, прежде чем тьма окончательно затянула моё сознание, был его торжествующий, полный яда смех прямо мне в губы. Гроза за окном наконец разразилась первым раскатом грома, но в этой запертой комнате меня уже никто не мог услышать.

Глава 3

В ушах до сих пор гудел мотор моего «Ижа», хотя я заглушил его минут двадцать назад. Я стоял в тени старых раскидистых яблонь, прямо за высоким кованым забором поместья Вершининых. Отсюда, из темноты, особняк казался огромным светящимся монстром, который заглатывал наших деревенских ребят одного за другим, пережёвывал их трезвые мысли и выплевывал обратно пьяными и никчёмными.

Я знал, что Васька пойдёт. Видел по глазам ещё у калитки. Упрямая, гордая... медалистка. Она верила в учебники и в то, что люди могут меняться. А я верил своим кулакам и тому, что видел в глазах Кирилла с самого первого класса. Гниль. Там всегда была только гниль, прикрытая папиными деньгами.

Сигарета жгла пальцы, но я не выбрасывал бычок. Смотрел на окна второго этажа. Внутри гремело так, что, казалось, стёкла вот-вот лопнут.

Где она?

Я видел, как она заходила — бледная, в дурацких джинсах, словно пыталась спрятаться от самой себя. Видел, как Вершинин-младший скалился ей навстречу. Внутри всё сжималось в тугой узел. Я обещал себе не лезть. Обещал, что дам ей самой прожить эту жизнь. Но ноги сами принесли

меня сюда.

Вдруг музыка на мгновение стихла — сменился трек — и в этой паузе мне почудилось что-то неправильное. Какая-то суета на террасе. Я увидел Серегу, нашего одноклассника, который растерянно озирался по сторонам. А потом мелькнул затылок Кирилла. Он вел кого-то внутрь дома. Девушку. Она едва переставляла ноги, повиснув на его руке, как сложенная кукла.

Миронова.

Сердце пробило грудную клетку. Бычок полетел в траву. Я не думал о законах, об охране или о том, что завтра меня закроют в местном отделении. Я просто перемахнул через забор, едва не оставив кусок кожи на острых пиках.

В дом ворвался через боковую дверь — там, где кухня. Девчонки-официантки из райцентра охнули, глядя на моё лицо, но я промчался мимо, не глядя. Наверх. Лестница казалась бесконечной. В нос ударил запах дорогого спиртного и чего-то сладкого, тошнотворного.

Коридор второго этажа. Пусто. Тихо. Слишком тихо для вечеринки.

Я шел, прислушиваясь к каждому шороху, пока не услышал... щелчок. Поворот ключа.

Дверь в конце коридора. Дубовая, массивная. Я не стал стучать. Просто разбежался и впечатался плечом в полотно. Раз. Второй. Дерево затрещало, замок не выдержал — косяк

вылетел с мясом.

Картина, которую я увидел, выжгла мне сетчатку.

Вершинин уже стащил с себя рубашку. Он стоял над Васей, которая металась по кровати, вцепившись пальцами в покрывало. Глаза у неё были огромные, зрачки — на поллица. Она смотрела на него и не видела.

— Ты что, ублюдох, затеял? — мой голос прозвучал как рык зверя.

Кирилл обернулся. На его лице не было страха — только бешенство.

— Пошел вон, нищеброд! — закричал он, кидаясь на меня. — Она сама пришла! Сама выпила!

Он был быстрым, этот золотой мальчик. Но он никогда не работал на лесопилке. Он не знал, что такое по-настоящему тяжелый удар. Я встретил его коротким правым в челюсть. Кости хрустнули так сладко, что я почти улыбнулся. Вершинин отлетел к комоду, снося головой тяжелую вазу, и рухнул мешком. Кровь из его рассеченного лба моментально залила ковер.

Он не двигался. Но мне было плевать. Я бросился к кровати.

— Вася... Васька, посмотри на меня! — я схватил её за плечи.

Она была горячая, как печка. Кожа пылала, по лбу катились градины пота.

— Ваня? — прошептала она, и её взгляд на секунду сфокусировался. — Жарко... Вань, так жарко... мне больно...

Я понял всё в ту же секунду. Химия. Этот гад чем-то её опоил.

Нужно было везти её в больницу, но я представил заголовки в местной газете. Представил лицо её матери. Зарежье сожрёт её за одну ночь. Медалистка, знахарка, гордость школы — и в такой грязи.

— Я вытащу тебя, слышишь? — я завернул её в плед, лежавший на кресле, и подхватил на руки. Она была легкой, почти невесомой, но её дыхание обжигало мне шею.

Я выносил её через задний двор, как вор. Мотоцикл ждал в кустах. Я усадил её впереди себя, привязав своим ремнем к своей талии, чтобы не свалилась. Её голова упала мне на плечо, и она начала что-то шептать — бессвязное, пугающее.

К родителям нельзя. Только не к Мироновым.

Я повез её к себе. Мои предки уехали в Тверь к тетке на все выходные. Старый дом на окраине, скрытый зарослями малины, был сейчас самым безопасным местом на земле.

Я внес её в свою комнату. Здесь пахло деревом, старыми книгами и моей тоской по ней, которая копилась годами.

Уложил на кровать, попытался распутать плед.

— Вася, нужно попить. Я сейчас принесу воды, — я попытался встать, но её рука, цепкая и горячая, перехватила моё запястье.

— Не уходи... — она распахнула глаза. В них не было страха. В них был первобытный, искусственный голод, смешанный с безумием. — Кирилл? Ты пришел?

Удар под дых был бы менее болезненным. Она принимала меня за него. Препарат внутри неё выжигал остатки разума, превращая её волю в пепел.

— Это я, Вася. Иван. Посмотри на меня!

— Жарко... — она начала стягивать с себя футболку. Движения были порывистыми, ломаными. — Помоги мне... Пожалуйста...

Она потянулась ко мне, обхватив руками за шею. Её губы, сухие и пылающие, мазнули по моей щеке. Я пытался отстраниться, держал её за плечи, твердя себе, что она не в себе, что это не она, а химия Вершинина лезет ко мне под кожу.

Но Василиса была неумолима. Она шептала слова любви, которые я мечтал услышать всю жизнь, вот только адресованы они были не мне. Она целовала мои руки, мою шею, прижимаясь всем телом, и я чувствовал, как рушится моя последняя оборона.

— Вася, остановись... — мой голос сорвался на хрип.

Я любил её. Любил так долго и безнадежно, что эта лю-

бовь стала частью моего скелета. И видеть её такой — доступной, умоляющей, потерявшей себя — было моим личным адом.

Она вдруг замерла, глядя мне прямо в глаза. На мгновение туман в её зрачках рассеялся.

— Иван? — выдохнула она. — Это ты? Спаси меня... Мне так плохо...

И она поцеловала меня. По-настоящему. Отчаянно, как утопающий хватается за соломинку. В этом поцелуе не было Кирилла. Была только она и её жгучая потребность в тепле.

Мой разум отключился. Все годы ожидания, вся злость на несправедливость этого мира, вся нежность, которую я прятал за грубостью — всё это выплеснулось наружу.

— Прости меня, Васька... — прошептал я в её губы, прежде чем окончательно сдаться.

Я понимал, что завтра наступит утро. Я понимал, что она посмотрит на меня с ужасом и ненавистью. Что я стану для неё таким же монстром, как Вершинин.

Но в ту ночь, когда за окном выла гроза, а её тело в моих руках было единственным смыслом существования, я выбрал свой ад. Я выбрал эту ночь, за которую мне придется платить всю оставшуюся жизнь.

Она прижималась ко мне, ища спасения, а я тонул в ней, осознавая, что это — начало нашего конца. И в то же время — начало чего-то, что ни один ДНК-тест спустя десять лет

не сможет отменить.

Я любил её. И я её уничтожил.

Глава 4

Солнечный луч, наглый и острый, вонзился в веко, заставляя зажмуриться до цветных пятен перед глазами. Первое, что я почувствовала — это нестерпимая жажда. Горло словно засыпали сухим песком, а в голове ворочался тяжелый, раскаленный шар. Каждое движение отзывалось тупой пульсацией в висках.

Я попыталась повернуться, и тут же осознала: подо мной не моя кровать. Простыни были грубыми, пахли не лавандовым кондиционером, который так любила мама, а чем-то другим. Мужским. Свежей стружкой, застарелым табаком и тяжелым, терпким потом.

Память возвращалась кусками, словно разбитое зеркало. Яркий розовый коктейль в руках Кирилла. Его скользкий взгляд. Тяжесть в ногах. Щелчок замка в темной спальне... А потом?

Потом был хаос. Громкий трек лопающегося дерева, яростный рык и чьи-то сильные руки, вырывающие меня из липкого кошмара. Иван.

Я резко распахнула глаза и рывком села. Простыня соскользнула, открывая обнаженные плечи. Взгляд заметался по комнате, выхватывая детали: постеры с мотоциклами на стенах, полка с неумелыми деревянными фигурками, которые Ваня резал еще в восьмом классе, тяжелые гантели в уг-

лу.

Это была его комната. Его берлога.

Я замерла, прижимая одеяло к груди так сильно, что пальцы побелели. Под кожей, там, где еще вчера теплился странный бабушкин дар, сейчас была выжженная пустыня. Холодная, мертвая тишина. Сила ушла, словно испугавшись той грязи, в которую я окунулась.

Дверь тихо скрипнула. Я вздрогнула, едва не вскрикнув.

В проеме стоял Иван. Он был без футболки, в одних потертых джинсах. Волосы взъерошены, под глазами залегли глубокие тени — он явно не спал ни минуты. В руках он держал стакан воды.

— Проснулась? — его голос прозвучал непривычно хрипло. В нем не было привычной насмешливости, только какая-то звенящая, пугающая нежность.

Он сделал шаг ко мне, протягивая стакан. Я инстинктивно отпрянула, вжимаясь спиной в холодную стену над изголовьем.

— Не подходи, — мой голос надломился, превратившись в жалкий шепот.

Иван замер. Тень боли скользнула по его лицу, но он всё же поставил стакан на тумбочку.

— Вася, ты не бойся. Всё позади. Этот ублюдок тебя больше не тронет, я ему челюсть в двух местах снес. Никто не узнает, что ты была там. Я тебя вынес...

— Вынес? — я горько усмехнулась, чувствуя, как к горлу

подступает тошнота. — Ты вынес меня из одной спальни, чтобы принести в свою? Скажи честно, ты видел, как Кирилл изнасиловал меня?

Иван резко выпрямился. Его широкие плечи напряглись.

— О чем ты говоришь? Ты была не в себе, Вась. Он тебя чем-то опоил. Тебя колотило, как в лихорадке, я не мог отвезти тебя к родителям в таком состоянии. Мать бы твоя с ума сошла... У вас с Кириллом ничего не было, он не успел..

— Я не верю тебе! Я чувствую что ты лжешь..... И после этого ты решил стать моим спасителем? — я чувствовала, как внутри закипает ярость, единственное чувство, которое еще не выжгла химия Вершинина. — Расскажи мне, Ваня. Расскажи, как ты «спасал» меня этой ночью. Почему я проснулась в твоей постели без одежды? Почему мне так... больно и стыдно?

Иван молчал. Он смотрел на свои руки — большие, мозолистые ладони, которыми он вчера, вероятно, касался меня.

— Ты молчишь? — я сорвалась на крик, не заботясь о том, услышит ли нас кто-то в пустом доме. — Кирилл взял меня силой. Он подонок, я знала это. Но ты? Мой лучший друг? Тот, кому я верила больше, чем себе?

— Я люблю тебя! — вдруг выкрикнул он, делая шаг к кровати. — Я люблю тебя всю жизнь, Васька! Ты бредила, ты звала... Ты сама меня целовала!

Мир вокруг меня пошатнулся.

— Я звала? — я почувствовала, как по щеке скатилась одинокая, обжигающая слеза. — Я звала его, Ваня. Я знаю это. Даже в том тумане я видела его лицо. А ты... ты ведь знал это. Ты знал, что я не в себе. Ты видел, что я принимаю тебя за другого. И ты всё равно не остановился?

Иван опустил голову. Тишина, повисшая в комнате, была тяжелее свинца. Его молчание кричало громче любых признаний. Он не остановился. Его желание, его многолетняя, душная страсть оказались сильнее чести, сильнее дружбы, сильнее меня.

— Уходи, — тихо сказала я, отворачиваясь к окну. Там, за стеклом, Заречье просыпалось как ни в чем не бывало. Кричали петухи, где-то вдалеке затарахтел трактор. Обычное июньское утро. Только для меня мир закончился.

— Вася, послушай... — он попытался коснуться моей руки.

— Не смей! — я отдернула руку, словно от раскаленного железа. — Ты ничем не лучше его, слышишь? Кирилл действовал открыто, а ты... ты сделал это подло. Прикрываясь спасением. Твоя любовь — это преступление, Иван. Я видеть тебя не могу.

— Ты просто сейчас в шоке, — он заговорил быстро, сбивчиво, в его голосе слышалось отчаяние. — Пройдет время, ты поймешь. Я женюсь на тебе. Мне плевать на Москву, на

всё плевать. Я заработаю, дом построим... Я буду на руках тебя носить, Васька! Только не смотри на меня так.

— Как «так»? — я повернулась к нему, и, должно быть, в моем взгляде было столько холода, что он невольно отступил. — Как на грязь под ногтями? Как на предателя? Ты убил во мне всё, Ваня. Ты и твой Вершинин — вы оба сожрали мою жизнь за одну ночь.

Я начала лихорадочно искать свою одежду. Нашла джинсы на полу, футболку, брошенную на стул. Иван стоял и смотрел, как я, кутаясь в простыню, пытаюсь одеться. Ему бы выйти, отвернуться, но он не двигался, словно надеялся, что этот кошмар рассосется сам собой.

— Выйди вон, — процедила я сквозь зубы.

Когда дверь за ним закрылась, я разрыдалась. Беззвучно, сотрясаясь всем телом. Я терла кожу ладонями, пытаюсь смыть ощущение его прикосновений, но оно въелось, кажется, до самых костей. Я чувствовала себя грязной. Испорченной.

Одевшись, я подошла к зеркалу. На меня смотрела чужая женщина. Бледная, с лихорадочным блеском в глазах и припухшими губами. Медалистка Вася Миронова умерла в этой комнате.

Я вышла из дома, не глядя на Ивана, который сидел на крыльце, обхватив голову руками. Он что-то крикнул мне вслед, попытался вскочить, но я прибавила шаг. Бежала через просыпающееся село, прячась в тумане, который еще

лежал в низинах. Мне казалось, что каждый забор, каждая ставня в Заречье теперь знают мою тайну. Что старухи на лавках будут шептаться мне в спину: «Смотрите, идет знахарка-то... Нагуляла в одну ночь с двумя».

Дома было тихо. Родители еще спали — после выпускного они позволили себе отдохнуть подольше. Я прокралась в свою комнату, чувствуя себя воровкой в собственном доме.

Сумка для Москвы была собрана еще вчера. Я открыла шкаф, выгребла остатки вещей, запихивая их в рюкзак. Руки действовали сами по себе, разум был отключен. Главное — бежать. Дальше от этого запаха полыни, от этой реки, от этих людей.

Я вышла на кухню, нацарапала на листке из тетрадки несколько слов: «Мам, пап, уехала первым рейсом. Хочу пораньше обустроиться в общежитии. Не волнуйтесь, позвоню, как доберусь. Люблю».

Слово «люблю» вышло кривым и соленым от капнувшей слезы.

Автовокзал встретил меня запахом солянки и пыли. Первый автобус до Твери был почти пустым. Я забилась в самый конец, прижалась лбом к холодному стеклу.

Когда мотор взревел и старый «пазик» дернулся, выезжая на разбитую дорогу, я закрыла глаза.

Прощай, Заречье. Прощай, мама. Прощай, папа.

Я не знала, что везу в себе не только разбитое сердце, но

и новую жизнь, которая свяжет меня с этим местом крепче любых цепей. Я не знала, что мой дар вернется ко мне через боль и кровь.

Но в ту минуту, когда автобус миновал указатель «Заре-
чье», я дала себе самую страшную клятву в жизни.

Я больше никогда не буду слабой. Ни один мужчина больше не прикоснется ко мне без моего согласия. И я никогда, слышишь, Боже, никогда не вернусь в этот ад.

Я вычеркнула их имена из своего будущего. Кирилл Вершинин и Иван... фамилию которого мне теперь было противно даже вспоминать. Они остались в прошлом, которое должно было сгореть.

Автобус подпрыгнул на кочке, и я почувствовала резкий укол где-то глубоко внутри. Словно маленькая иголочка прошила низ живота. Я списала это на стресс и тошнотворный запах бензина.

Впереди была Москва. Город, которому плевать на сельских медалисток. Город, в котором я собиралась исчезнуть и родиться заново.

Глядя на свои пустые ладони, я прошептала в пустоту:

— Вы оба для меня мертвы.

Автобус набирал скорость, унося меня в неизвестность, а за окном мелькали березы, еще не знающие, что я больше не вернусь их лечить. Гроза закончилась, началось долгое,

жаркое и совершенно безнадежное лето.

Глава 5

Москва не встретила меня объятиями — она обдала меня тяжелым запахом раскаленного асфальта, дешевого фастфуда и бесконечного человеческого безразличия. К концу августа город казался изнуренным, словно старый пес, припавший к пыльной обочине в ожидании дождя. Я шла по длинному коридору общежития на Малой Пироговской, и звук моих шагов тонул в гулком эхо казенных стен, выкрашенных в унылый цвет заветренной овсянки.

Моя комната под номером 412 была крошечным пеналом, рассчитанным на троих, но соседки еще не приехали. Я была этому рада. Мне нужно было одиночество, чтобы окончательно срастись со своей новой кожей — кожей человека, у которого больше нет дома.

Я бросила рюкзак на скрипучую кровать и подошла к окну. Внизу, в узком колодце двора, кто-то громко спорил, хлопнули двери машин, а где-то вдалеке глухо рокотало метро. Заречье осталось там, за пеленой воспоминаний, которые я старательно выжигала из себя каждый вечер. Но каждое утро они возвращались ко мне густой, горькой тошнотой.

Сначала я списывала это на стресс. На сумасшедший ритм подготовки к первой лекции, на чужую воду, на страх не оправдать надежд родителей. Но сегодня утром, глядя на календарь в телефоне, я поняла, что математика — вещь упря-

мая и беспощадная.

Дрожащими пальцами я достала из кармана куртки тест, купленный в аптеке на углу. Я смотрела на него так, словно внутри находилась бомба с часовым механизмом.

В общественном туалете в конце коридора пахло хлоркой и старыми трубами. Я заперлась в кабинке, чувствуя, как сердце колотится где-то в районе горла. Секунды растягивались в вечность. Когда на белой полоске проявилась вторая черта — четкая, ярко-алая — я не закричала. Я просто опустилась на холодный кафель, обхватив колени руками.

Это был приговор.

В голове всплыли лица. Кирилл с его ледяной ухмылкой в запертой спальне. Иван с его виноватым взглядом в утренних сумерках. Кто? Кто из них оставил во мне этот след? Ответ на этот вопрос был страшнее самой новости. Если это ребенок Кирилла — во мне растет плод насилия и подлости. Если Ивана — плод предательства и сломанной дружбы.

Я не хотела ни того, ни другого.

— Нет, — прошептала я в пустоту туалета. — Я не позволю вам разрушить меня окончательно.

Я встала, вытерла лицо краем футболки и вышла. Мои движения стали механическими. Я знала, что нужно делать. Москва — большой город, здесь такие проблемы решаются быстро и анонимно. У меня были отложенные «подъемные» деньги, которые отец дал на учебники. Что ж, это будет мой первый и самый главный урок анатомии.

Весь следующий день я провела как в тумане. Я нашла клинику, записалась на прием, выслушала сухой голос регистратора. Процедура была назначена на завтра. Я шла обратно в общежитие под мелким, колючим дождем, который наконец-то пришел в город.

Внутри меня было пусто. Дар, который бабушка Васса обещала мне, молчал. Руки были холодными, безжизненными. Я думала о том, что, убивая эту нежеланную жизнь, я, возможно, убиваю и ту силу, что дремала во мне. Но разве могла я стать матерью, когда сама чувствовала себя мертвой?

Я зашла в блок и уже взялась за ручку своей двери, когда из 410-й комнаты донесся страшный, надрывный стон. Потом — звук падающего тела и звон разбитого стекла.

Я замерла. Профессиональный инстинкт, который еще даже не успели толком взрастить лекциями, сработал быстрее страха. Я толкнула незапертую дверь.

На полу, среди осколков стакана, корчилась Лариса — третьекурсница с педиатрического, которую я видела всего пару раз. Её лицо было серым, губы посинели, а по лбу катились крупные капли пота. Она прижимала руки к пояснице, буквально выламываясь от боли.

— Лариса! Что с тобой? — я бросилась к ней, опускаясь на колени прямо на острые осколки.

— Спина... Вася, спина... как ножом... — она задохнулась, её глаза закатились.

Почечная колика. Типичная картина. Камень пошел, пе-

рекрывая проток. В учебниках писали: «боль невыносимая, требует немедленного введения анальгетиков». Но у меня не было ничего, кроме пустых рук.

Я схватила телефон, чтобы вызвать скорую, но Лариса вцепилась в моё запястье с такой силой, что хрустнули суставы.

— Помоги... умираю...

И в этот момент это случилось.

Сначала в центре моих ладоней появилось легкое покалывание, словно от крапивы. А потом — резкий, пульсирующий жар. Он не обжигал меня, но требовал выхода, распирая кожу изнутри. Я не понимала, что делаю. Я просто подчинилась этому древнему, властному зову.

Я положила руки ей на поясницу, прямо поверх тонкой домашней майки.

Жар хлынул из моих пальцев мощным потоком. Я закрыла глаза и вдруг «увидела». Это не было зрением в обычном смысле слова. Я почувствовала внутри тела Ларисы что-то острое, черное, застрявшее в узком канале, словно заноза в воспаленной плоти. Оно вибрировало от боли, и эта вибрация отдавалась в моих костях.

Я начала «вытягивать» этот холод. Мои ладони стали нестерпимо горячими. Я чувствовала, как по моим собственным рукам течет чужая боль — серая, липкая, противная. Я не отпускала. Я сжала челюсти так, что зубы закрипели, и сделала мысленный рывок.

Внутри Ларисы что-то щелкнуло. Острое черное пятно сдвинулось, провалилось вниз и исчезло.

Стон Ларисы оборвался. Она обмякла в моих руках, её дыхание стало ровным, глубоким. Она просто уснула, изможденная приступом, который только что должен был закончиться госпитализацией.

Я сидела на полу, тяжело дыша. Мои руки мелко дрожали, а ладони светились едва заметным, тусклым золотом, которое медленно угасало, впитываясь обратно под кожу. В коридоре слышались голоса других девчонок, кто-то вызвал врача, началась суета. Но я их не слышала.

В этот самый миг я почувствовала «отклик». Там, глубоко внутри меня, где поселились две красные полосы, возникло слабое, едва уловимое пульсирующее тепло. Оно было похоже на эхо моего собственного дара.

Жизнь внутри меня не была «плодом насилия». Она была источником. Моя беременность и моя сила оказались связаны невидимой пуповиной. Убей одно — и другое исчезнет навсегда.

Я встала, покачиваясь от внезапной слабости. Ларису уже поднимали подросшие старшекурсницы, кто-то хлопал меня по плечу, спрашивал, что я сделала, но я молча вышла в коридор.

В моей комнате было темно. Я подошла к рюкзаку и достала со самого дна потайной кармашек. Там лежало то, что я не решалась открыть с самого дня своего рождения — пись-

мо бабушки Вассы. Она отдала его моей матери с наказом: «Вручи Васе, когда ей исполнится восемнадцать. Ни днем раньше».

Моё восемнадцатилетие прошло три дня назад. В ту самую ночь, когда я бежала из Заречья.

Я вскрыла конверт. Бумага была старой, пахнувшей высушенной мятой и книжной пылью. Почерк бабушки был лентяйским, с острыми хвостиками букв — почерк женщины, которая знала цену каждому слову.

«Здравствуй, внученька. Если ты читаешь это, значит, пришло твоё время. Сила нашего рода — это не подарок, это бремя, которое мы несем через века. Она не просыпается от сытости или радости. Ей нужна боль, чтобы пробить скорлупу твоего страха. Знаю, сейчас тебе кажется, что мир рухнул, а мужчины, которым ты верила, принесли тебе лишь тьму. Но не кляни судьбу.

Помни главное: наша сила питается новой жизнью. Плод во чреве твоём — это твой якорь и твой алтарь. Пока бьется его сердце, твои руки будут творить чудеса. Не бойся того, кто стал отцом — теперь только ты решаешь, чью кровь нести дальше. Ты — Миронова, и на тебе сошелся свет.

Твои руки теперь, Вася — и щит твой от врагов, и меч против любой хвори. Лечи, но не отдавай себя всю. И никогда не возвращайся туда, где тебя пытались сломать, пока не станешь достаточно сильной, чтобы самой ломать судьбы. Береги детей, внука. В них — вся твоя магия».

Я выронила листок. «Детей»... Во множественном числе? Бабушка...она знала все заранее.

Я прижала ладонь к животу. Тепло там стало отчетливее. Оно больше не было пугающим. Оно было моим. Единственным моим в этом огромном, чужом городе.

Я взяла со стола бланк направления на завтрашнюю процедуру. Медленно, с наслаждением, я разорвала его на мелкие кусочки и выбросила в корзину.

Москва шумела за окном, огни большого города отражались в лужах, а я впервые за эти недели почувствовала, что я не одна. У меня были мои руки, моё знахарское наследие и те, кто рос внутри меня, давая мне право на эту страшную, непостижимую силу.

Я легла в постель и закрыла глаза. На губах блуждала слабая, жесткая улыбка.

— Ну что ж, Кирилл. Что ж, Иван. Вы думали, что поставили на мне метку? Нет. Вы дали мне оружие. И когда-нибудь я научусь им пользоваться так, что вы оба содрогнетесь.

В ту ночь мне впервые не снилось Заречье. Мне снился огромный, цветущий сад, где среди густых трав бегали две маленькие девочки, а их смех заглушал шум московских магистралей.

Я засыпала, и мои ладони согревали мой живот, обещая защиту тем, кто выбрал меня своей матерью. Щит и меч. Теперь это была моя молитва. И моя клятва.

Глава 6

Живот казался огромным, мешающим дышать и превращающим каждое движение в неповоротливое мучение. В коридорах медицинского института пахло старой бумагой и формалином, но для меня этот запах мешался с постоянным ароматом дешевых яблок — единственного, что спасало от тошноты. Я перевелась на заочное в начале второго семестра. Декан, суровый старик в очках с толстыми линзами, долго смотрел на мою справку о беременности, а потом сухо произнес: «Миронова, вы талантливы, но Москва не прощает пауз. Хотите выжить — забудьте о сне».

Я и забыла.

Роды начались в холодный, пронизанный сырым ветром апрельский вечер. Боль пришла внезапно, выкручивая позвоночник, словно раскаленными клещами. В роддоме на окраине, куда меня привезла дребезжащая «скорая», было шумно и неудобно.

— Двойня? — дежурная акушерка, женщина с лицом, похожим на печеное яблоко, хмуро заглянула в мою карту. — Узкий таз, Миронова. Будет сложно.

Сложно — это не то слово. Когда схватки слились в одну бесконечную волну агонии, я почувствовала, что ухожу. Темнота перед глазами стала густой, липкой, как деготь. И в этой темноте я вдруг услышала голос бабушки Вассы: «Дер-

жи их, внучка. Теплом своим держи».

Я не помню, как кричала. Помню только, как мои ладони, прижатые к животу, вдруг стали нестерпимо горячими. Жар был такой силы, что, казалось, простыни под моими руками должны обуглиться. Врачи суетились, кто-то кричал про давление, а я вливала всё это пламя внутрь себя, туда, где задыхались мои крохи. Я буквально «выталкивала» их светом своих рук.

Первой закричала Маша. Тихий, жалобный писк, от которого у меня перехватило дыхание. А через пять минут мир огласил требовательный, яростный вопль Даши.

— Ну и девки, — выдохнула акушерка, вытирая пот со лба. — Сильные. А ты, мать, в рубашке родилась. Пульс почти на нуле был, а потом как бабахнет... Чудо какое-то.

Чудо имело цену. После родов я три дня не могла поднять рук — они были тяжелыми, как чугунные болванки, и абсолютно холодными. Но глядя на два маленьких свертка, я понимала: это была лучшая сделка в моей жизни.

Чтобы окончательно обрубить хвосты, я сменила документы. Теперь я была не Василисой Мироновой, а Василисой Калининой — взяла девичью фамилию бабушки. Пусть ищут Миронову, если захотят. А Калининых в Москве тысячи.

Пять лет пролетели в тумане из подгузников, лекций по ночам и бесконечного мытья полов. Я устроилась санитаркой в городскую больницу №12. Работа грязная, тяжелая, за-

то позволяла быть рядом с медициной и давала койку в служебном общежитии, где нас приютила Антонина Петровна — старая медсестра, ставшая нам названной бабушкой.

— Вася, ты опять за Лисичкину судно вынесла? — Антонина Петровна, маленькая, сухая старушка в неизменном синем чепчике, покачала головой, когда я ввалилась в комнату после смены. — Совсем себя не жалеешь. Девки вон уже спят, Дашка опять с мальчишками во дворе подралась.

Я устало опустилась на табурет, чувствуя, как гудят ноги.

— Даша... В кого она такая упрямая?

— Не в тебя, это точно, — усмехнулась Антонина. — Ты у нас тихая, как вода в пруду. А в той огонь горит, недобрый огонь, властный.

Я знала, чей это огонь. Глядя, как Даша во сне хмурит брови и сжимает маленькие кулачки, я видела в ней Кирилла. Те же резкие черты, то же неумение проигрывать. Маша же была другой — светлой, тихой, с моими глазами и какой-то пугающей мудростью в пятилетнем возрасте.

В больнице меня прозвали «Васей с легкой рукой». Самые капризные пациенты, самые тяжелые «лежачие» затихали, когда я заходила в палату. Я не делала ничего сверхъестественного при свидетелях. Просто, когда поправляла подушку или меняла повязку, позволяла крохотной дозе тепла перетечь из моих ладоней в их измученные тела.

— Калинина, зайди в седьмую, — бросил мне как-то хирург Павлов, проходя мимо по коридору. — Там старик после операции никак не стабилизируется. Посиди с ним, что ли... Твои почему-то реже жалуются на боли.

Павлов был умным мужиком, тертым. Он подозрительно косился на мои руки, когда я перестилала постель, но молчал. Результаты были важнее загадок.

В тот вечер я задержалась. Старик в седьмой палате дышал хрипло, прерывисто. Я положила ладонь ему на грудь, прямо над швом. Жар привычно потек по пальцам, я закрыла глаза, чувствуя, как внутри него рассасывается серая мгла воспаления.

— Мама?

Я вздрогнула и обернулась. В дверях палаты стояла Маша. Антонина Петровна приболела, и мне пришлось взять дочек на дежурство, наказав сидеть в ординаторской. Но Маша, как всегда, почувствовала мой зов.

— Маш, я просила подождать, — прошептала я, убирая руку.

Старик вздохнул и заснул глубоким, ровным сном.

Дочка подошла ближе, её глаза в полумраке палаты казались огромными и светящимися.

— Ему было очень больно, да? Теперь не больно. Ты его

согрела.

Я похолодела.

— Никому не говори об этом, слышишь? Это наш секрет.

Через неделю этот секрет стал еще тяжелее. Мы сидели в нашей крохотной комнатке, я пыталась готовиться к экзамену по фармакологии, а девочки играли на ковре. Даша, как обычно, строила из кубиков какую-то неприступную крепость, а Маша просто сидела рядом, перебирая мои старые атласы.

— Ай! — я охнула, когда острая кромка листа бумаги глубоко полоснула мне палец. Потекла кровь.

— Мама, больно? — Даша вскочила, её глаза сверкнули гневом. — Это плохая книга! Я её выброшу!

Она замахнулась, готовая разорвать атлас, и в этом жесте было столько неконтролируемой агрессии, что мне стало не по себе. Копия отца. Если что-то идет не так — уничтожить.

— Даша, стой, — я перехватила её руку.

Но Маша уже была рядом. Она не кричала и не злилась. Она просто взяла мой окровавленный палец в свои крохотные ладошки и прижала их к губам.

Я замерла, боясь дыхнуть. От её рук пошел точно такой же жар, какой обычно шел от моих. Только он был чище,

тоньше, словно серебряная нить.

— Всё, мамочка. Не плачь.

Маша разжала пальцы. На месте глубокого пореза осталась лишь тонкая, едва заметная розовая полоска, которая исчезала прямо на глазах.

Я смотрела на дочку, и по спине пробежал ледяной холод. Дар бабушки Вассы не просто передался ей. Он в ней расцветал.

— Маша... ты... — я не знала, что сказать.

— Я просто сделала, как ты, — девочка улыбнулась и вернулась к атласу.

Даша же, увидев, что я больше не ранена, фыркнула и с размаху ударила ногой по своей башне из кубиков.

— Всё равно она дурацкая! Я построю выше! Больше! Чтобы все видели!

Я смотрела на своих детей и понимала: Москва — это только начало. Во мне росла целительница, в Маше — еще более мощная сила, а в Даше вызревал характер человека, который привык брать от жизни всё.

Прошло пять лет. Я окончила институт с красным дипломом. Теперь я была врачом Василисой Калининой. Мои руки стали мудрее, я научилась дозировать силу, скрывать её за маской профессионального цинизма. Но внутри меня всё так же жила та девочка из Заречья, которая каждое утро про-

веряла почти в страхе увидеть там знакомую фамилию.

Я выжила. Я выстояла. Я построила свой мир из белых халатов, запаха лекарств и любви моих дочерей.

Прошло 10 лет и однажды, просматривая список новых пациентов в платной клинике, где я теперь работала, я почувствовала, как сердце пропустило удар, а ладони, вопреки моей воле, стали ледяными.

«Вершинин Кирилл Борисович. Реабилитация после тяжелой травмы».

Прошрое не просто постучалось в мою дверь. Оно вышибло её с корнем, напоминая, что долги в Заречье принято отдавать с процентами. И на этот раз у меня не было автобуса, чтобы сбежать. На этот раз у меня были только мои руки и мои дети, которых я была готова защищать до последнего вздоха. Даже если для этого придется исцелить того, кого я должна была ненавидеть.

Глава 7

Запах антисептика в частной клинике «Мед-Элит» не имел ничего общего с едкой хлоркой городской больницы, где я начинала санитаркой. Здесь пахло дорогим кофе, свежестью кондиционированного воздуха и негромким шелестом больших денег. Мои туфли на мягкой подошве бесшумно ступали по светлому керамограниту. Белый халат, идеально отутюженный, сидел как броня.

— Доброе утро, Василиса Борисовна, — улыбнулась мне Леночка на ресепшене. — Вам принесли выписку по третьему кабинету, и еще... там в почте запрос на VIP-консультацию.

Я кивнула, не замедляя шага. Мой график был расписан на две недели вперед. В тридцать один год я стала тем, кем мечтала: блестящим диагностом, врачом, к которому шли, когда другие разводили руками. Но никто в этих стенах не знал, что по вечерам, в своей старой квартире на окраине, я превращаюсь в Вассу. В ту, кто не смотрит анализы, а просто кладет руки на больное место и слушает шепот крови.

В кабинете я на мгновение прикрыла глаза. Внутри всё еще вибрировало утреннее прощание с дочками.

— Мам, ну почему я должна носить эти кроссовки? Они же совсем обычные! — Даша капризно отпихнула коробку. В свои десять она обладала пугающим чутьем на бренды и

статус. Ей нужно было всё самое лучшее, самое яркое. Она смотрела на мир с тем же дерзким вызовом, от которого у меня до сих пор холодело внутри. Копия своего отца....Кирилла?

— Потому что они удобные для бега, Даша, — спокойно ответила я, заплетая косу Маше.

Маша сидела тихо, едва дыша. Она смотрела на увядающий гиацинт в горшке на подоконнике. Когда её тонкие пальцы коснулись пожелтевшего листа, я увидела, как по стеблю пробежала едва заметная зеленая искра. Цветок вздрогнул и чуть выпрямился.

— Мама, он просто хотел пить, — прошептала Маша, глядя на меня своими бездонными глазами.

Я тогда лишь крепче сжала расческу. Мой дар в ней был как оголенный провод — опасный и прекрасный. Я учила её закрываться, прятать тепло, потому что знала: мир не пощадит ту, кто умеет исцелять. Мир захочет её присвоить.

Из раздумий меня вывел резкий стук в дверь. Без приглашения вошел Виктор Степанович — главный врач и владелец клиники. Человек, который ценил только два показателя: индекс цитируемости и прибыль.

— Василиса Борисовна, откладывайте всё, — он прошел к моему столу, и я заметила, как блестит пот на его лысине. — У нас экстренный случай. Пациент крайне тяжелый, из «неприкасаемых». Прямой звонок из департамента.

— Вы же знаете, Виктор Степанович, я не беру пациентов

без предварительного изучения анамнеза, — я постаралась, чтобы мой голос звучал ровно. — У меня полная запись.

— Забудьте про запись, — он шлепнул на мой стол пухлую папку из дорогой кожи. — Перелом позвоночника, осложненный системным воспалением. Месяц в коме, полгода реабилитации в Германии — результат нулевой. Но это не самое страшное. У пациента прогрессирующая атрофия зрительного нерва на фоне стресса и травмы. Он слепнет, Василиса. И он в ярости.

Я машинально поправила стетоскоп на шее. Случай звучал как профессиональный вызов, но что-то в тоне главврача заставило мои ладони предательски похолодеть.

— Почему я? Есть офтальмологи, есть нейрохирурги...

— Потому что он вышвырнул троих профессоров. Сказал, что от них пахнет «старостью и безнадеей». Ему нужен кто-то с «чуйкой». О ваших успехах в диагностике ходят легенды, Калинина. Если вы поставите его на ноги — или хотя бы вернете зрение — клиника получит такой грант, что мы откроем филиал в Швейцарии. А вы... вы получите долю в бизнесе.

Я смотрела на кожаную папку. Швейцария, доля, деньги... Даше нужны новые возможности, Маше — защита. Я медленно протянула руку и открыла дело.

Первое, что я увидела — фотографию. Сделанную еще до аварии. С глянцевого снимка на меня смотрел мужчина в черной футболке, сидящий за рулем гоночного авто. Резкий

разворот плеч, надменный излом бровей и взгляд человека, который уверен, что весь мир — его частная собственность.

Воздух в кабинете внезапно стал густым и горьким, как полынь в полях Заречья.

— Фамилия пациента... — мой голос прозвучал так, будто я долго кричала на морозе.

— Вершинин. Кирилл Борисович. Наследник империи «Агро-Вест». Слышали о таких? — Виктор Степанович потер ладони. — Жена его, Элеонора, настаивает на домашнем лечении, но мы убедили их привезти его в наш стационар на обследование. Он будет здесь через час.

Я не слышала конца фразы. Буквы в медицинской карте начали расплываться, превращаясь в черных змей.

Вершинин Кирилл Борисович.

Десять лет. Я строила эту стену десять лет. Кирпичик за кирпичиком: диплом, смена фамилии, перекрашенные волосы, новые привычки, Москва. Я вытравила из себя всё, что напоминало о той девочке в рваном кружевном платье, бегущей через утренний туман. Я думала, что я в безопасности.

Но прошлое не стучало в дверь. Оно ввалилось в мой стерильный мир, пахнущее кровью, металлом и старой обидой.

— Василиса Борисовна? Вам плохо? — главврач обеспокоенно наклонился ко мне.

Я заставила себя выпрямиться. Костяшки пальцев, сжимающих край стола, побелели. Дар внутри меня, дремавший под маской профессионализма, вдруг рванулся наружу. Ла-

дони обожгло знакомым, яростным жаром. Сила чувствовала его. Чувствовала его боль даже на расстоянии, и эта связь была настолько прочной, что меня едва не стошнило.

— Всё в порядке, — я захлопнула папку. — Просто... сложный случай.

— Вы беретесь?

— У меня есть выбор? — я подняла на него взгляд. Мои глаза, которые пациенты называли «ледяными», сейчас скрывали бурю.

— Честно? Нет. Отказаться от Вершинина — значит закрыть клинику.

— Хорошо. Подготовьте бокс в VIP-крыле. И распорядитесь, чтобы в палату не допускали посторонних, включая родственников, во время моих осмотров. Мне нужна тишина.

Когда Виктор Степанович вышел, я рухнула в кресло. Руки тряслись так, что я побоялась их поднять.

Он здесь. В моем городе. В моей клинике. Тот, кто стал причиной моего самого большого позора и моей самой большой силы.

Я вспомнила Машу. Вспомнила её тихий дар. Если Кирилл узнает... Если он хотя бы на секунду заподозрит, что эти дети имеют к нему отношение...

Нет. Не имеют. Для этого мира и для него и — они дети Ивана. И где то в глубине души я так и думала...

Я встала и подошла к зеркалу. На меня смотрела Василиса

Калинина — холодная, успешная, недоступная.

— Ты врач, — прошептала я своему отражению. — Ты просто лечишь мясо и кости. В нем не осталось ничего от того парня, которого ты любила. В тебе не осталось ничего от той девочки, которую он предал.

Я достала из ящика стола флакон с маслом лаванды и капнула на запястья. Аромат трав немного успокоил пульс.

Где-то внизу, у парадного входа, взвизгнули тормоза реанимационного автомобиля. Я знала этот звук. Так звучит судьба, когда она приходит забирать долги.

Я поправила халат, взяла стетоскоп и вышла из кабинета. Моё сердце было куском льда, но ладони пылали. Я шла навстречу своему личному аду, и единственное, о чем я молилась — чтобы он никогда не открыл глаза и не увидел, кто именно возвращает его к жизни.

Проходя мимо окна, я заметила, как небо над Москвой затягивают тяжелые, свинцовые тучи. Совсем как в тот вечер в Заречье, перед грозой, которая изменила всё.

Десять лет тишины закончились. Начиналась война, в которой у меня не было права на поражение. Потому что на кону были не деньги Вершинина и не моя карьера. На кону были мои дочери. И я была готова вырвать их у прошлого даже ценой собственной души.

Глава 8(Кирилл)

(от лица Кирилла)

Темнота не бывает абсолютно чёрной. Она серая, мутная, как грязный кисель, в котором плавают бесформенные тени. И ещё она пахнет. Пахнет дорогими антисептиками, несвежим постельным бельём и моим собственным бессилием.

Я попытался пошевелить пальцами правой ноги. Сосредоточился, выжимая из своего мозга всё, на что он был способен, представляя, как импульс бежит вниз по позвоночнику, преодолевает разрыв и заставляет мышцу сократиться. Ничего. Огромный кусок моего тела ниже поясицы превратился в бездушное мясо. Я был заперт в собственном скелете, как в камере-одиночке, и ключи от неё давно выбросили в сточную канаву.

— Кирилл, дорогой, ты не спишь? — голос Элеоноры прорезал тишину спальни.

Слишком высокий, слишком фальшивый. Она вошла, и я почувствовал, как воздух вокруг меня изменился. Сначала меня накрыло облаком её любимых «Shalimar», но под этим тяжёлым, пудровым ароматом я уловил кое-что другое. Едва заметный, горьковатый шлейф мужского одеколона. Другого. Не моего.

Моя верная жена. Моя опора. Она думает, что если я ослеп, то перестал чувствовать запах измены, исходящий от

её кожи.

— Чего тебе? — мой голос прозвучал как хрип старой цепной собаки.

Я слышал, как она подошла ближе. Шуршание дорогого шёлка, скрип паркета. Она положила свою холёную руку мне на лоб. Пальцы холодные, кончики ногтей впились в кожу.

— Твой отец договорился с клиником «Мед-Элит». Говорят, там работает какой-то феноменальный врач. Женщина. Калинина, кажется. Она делает невозможное. Реанимационный автомобиль уже у ворот, Кирилл. Тебе нужно ехать.

— Очередная шарлатанка, — я дёрнул головой, сбрасывая её руку. — Немецкие светила развели руками, профессора из Швейцарии сказали «смиритесь», а тут какая-то баба из московской частной лавочки меня спасёт? Нора, не смейся. Ты просто хочешь поскорее выставить меня из дома, чтобы твой любовник мог спокойно парковать свою тачку на моём месте.

В комнате повисла тишина. Я почти видел, как она побледнела, как сжались её губы. Но она была профессиональной стервой.

— Ты бредишь, Кирилл. Тебе плохо. Я забочусь о тебе, а ты... — она всхлипнула. Качественно, на «Оскар». — Я всё делаю, чтобы ты встал. Чтобы ты снова увидел меня.

— Я увижу тебя, Нора, — я ослабился, чувствуя, как внутри закипает привычная, спасительная злость. — Обещаю. Это будет первое, что я сделаю. И поверь, тебе не по-

нравится мой взгляд. А теперь позови санитаров. Пусть грузят овощ в корзину.

Она вышла, громко стуча каблуками. Я остался один, погружённый в свою серую мгновенность.

Жизнь — забавная штука. Полгода назад я был богом. Королём агрохолдинга, мужчиной, перед которым открывались все двери и раздвигались все ноги. Один поворот руля на мокрой трассе, один неверный маневр — и всё. Теперь я — груда костей, за которую борются стервятники. Отец хочет сохранить империю, Нора хочет сохранить доступ к счетам, а врачи хотят высосать из меня побольше миллионов, прежде чем я окончательно сгнию.

Меня переложили на носилки. Чужие руки — грубые, пахнущие дешёвым куревом. Меня несли по коридорам моего собственного дома, и я чувствовал каждый поворот, каждую ступеньку, словно моё тело превратилось в один оголённый нерв.

В реанимобиле было душно. Вибрация мотора отдавалась в затылке тупой болью. Я закрыл глаза — хотя какая разница? — и вдруг, вопреки своей воле, провалился в прошлое.

Заречье. Пыль дорог, запах скошенной травы и та самая девчонка. Василиса. Миронова.

Я не вспоминал её годами. Зачем? Обычная сельская медалистка, одна из сотен, которых я мог бы иметь, если бы захотел. Но она... она была единственной, кто посмел ударить меня. Единственной, кто не купился. Я помню тепло её по-

щёчины до сих пор. Помню, как хотел её сломать, как подсыпал ей дрянь в бокал... А потом провал. Темнота. Боль в челюсти и позор.

Где она сейчас? Наверняка вышла замуж за своего верного пса Ивана, наплодила нищеты и постарела в свои тридцать, превратившись в обычную деревенскую бабу с тяжёлым взглядом. А я... я лежу здесь, в машине за двадцать миллионов, и молюсь неизвестным богам, чтобы какая-то Калинина вернула мне хотя бы один шанс из ста.

— Приехали, Кирилл Борисович, — раздался над ухом голос помощника. — Мы в «Мед-Элите». Вас уже ждут.

Меня выкатили на свежий воздух. Я почувствовал запах города — выхлопные газы, асфальт и... что-то ещё. Тонкий, едва уловимый аромат. Цветы? Нет. Лекарственные травы. Так пахла аптечка моей бабки в деревне. Полынь? Лаванда?

Каталка зашуршала по гладкому полу клиники. Лифт. Звуковой сигнал. Снова коридор. Здесь было тихо, не как в государственных больницах. Никакой суеты, только приглушённые голоса.

Меня ввели в палату. Переложили на кровать с ортопедическим матрасом.

— Выйдите все, — приказал я, когда почувствовал, что в комнате слишком много людей. — Оставьте меня.

— Но, Кирилл Борисович, сейчас придёт лечащий врач... — начал было помощник.

— Вон! — рявкнул я.

Дверь закрылась. Я остался один. Слышал только мерное тиканье настенных часов и шум крови в ушах. Моё тело ныло. Позвоночник словно прошили колючей проволокой. Зрение дёрнулось — серая пелена на мгновение стала светлее, а потом снова сомкнулась, оставляя меня в полнейшей беспомощности.

«Ты стоишь целое состояние, Вершинин, — подумал я, стискивая зубы. — Но сейчас ты не дороже старой тряпки».

Я услышал шаги.

Они были другими. Не тяжёлая поступь санитаров, не нервный цокот каблучков Элеоноры. Эти шаги были мягкими, уверенными и... тихими. Так ходят люди, которые точно знают, куда идут. И зачем.

Дверь открылась и закрылась с едва слышным щелчком. Воздух в палате вдруг стал холодным, как перед грозой. Аромат трав усилился. К нему примешался запах чистого медицинского халата и чего-то такого, от чего у меня по загривку пробежали мурашки.

Я затаил дыхание. Почему-то мне стало страшно. Глупо, по-детски страшно, словно в комнату вошла сама Смерть или... жизнь.

— Так это вы — та самая Калинина? — выдавил я из себя, стараясь, чтобы мой голос звучал привычно-надменно. — Надеюсь, вы стоите тех миллионов, что мой отец перевёл этой богадельне.

Я не видел её. Но я чувствовал, как она стоит у края кро-

вати. Чувствовал её взгляд — тяжёлый, изучающий, холодный. Она молчала. Это молчание давило на меня сильнее, чем паралич.

— Что вы молчите, доктор? — я попытался приподнять голову, но только вызвал новую волну боли в шее. — Я привык, что врачи вокруг меня лебезят. Вы тоже собираетесь кормить меня сказками о «положительной динамике»? Или скажете честно, что я сдохну в этом кресле?

Она сделала ещё шаг. Я услышал шуршание бумаги — она смотрела мою карту.

— Подходите ближе, доктор, — прохрипел я, чувствуя странное, неоправданное волнение. — Я хочу почувствовать, за что плачу. Какая у вас энергетика? Говорят, вы творите чудеса. Ну так сотворите.

Я протянул руку — слабую, дрожащую руку, которую едва мог оторвать от простыни. Я хотел нащупать её, схватить за халат, заставить её говорить.

Она не отстранилась. Я почувствовал, как она взяла мою кисть своей рукой.

Её ладонь была горячей. Невероятно горячей, словно под кожей у неё тлели угли. В ту же секунду, как наши пальцы соприкоснулись, по моей руке вверх, к самому плечу, побежала мощная волна тепла. Это было похоже на электрический разряд, но без боли. Мой позвоночник, до этого мёртвый и холодный, вдруг отозвался коротким, острым покалыванием.

Я замер, боясь пошевелиться.

— У вас странные руки, доктор... — прошептал я, и моя спесь куда-то испарилась.

В этом прикосновении было что-то такое... родное? Нет, бред. Я никогда её не знал. Но моё тело — моё предательское тело — вдруг узнало её. Оно потянулось к этому теплу, как побитый пёс тянется к хозяину.

Я не видел её лица. Но в моей голове вдруг вспыхнул образ: сирень, ночной кабинет химии и звонкий удар.

«Этого не может быть, — ударило в виски. — Просто совпадение. Просто шок».

— Ну же, скажите что-нибудь, — потребовал я, сжимая её пальцы. — Почему вы молчите?

Я ждал её голоса, как приговора. Я ждал, что она сейчас рассмеётся или начнёт зачитывать мне список процедур. Но она продолжала молчать, и в этом молчании я впервые за полгода почувствовал не безнадёжность, а... страх. И этот страх принадлежал не мне. Он принадлежал ей.

— Кто вы такая, Калинина? — я дёрнул её руку на себя, пытаясь рассмотреть хоть что-то сквозь серый туман в глазах.

От неё пахло лесом. Пахло дождём. Пахло Заречьем.

И в эту секунду я понял: мой ад только начинается. И, кажется, в этом аду я буду не один.

Глава 9

Дверная ручка из матового хрома обожгла ладонь холодом. Я замерла, глядя на цифру «301» на табличке. Всего лишь номер. Всего лишь палата. Всего лишь очередной пациент, чья жизнь рассыпалась на куски, и теперь он готов платить любые деньги, чтобы я склеила их обратно.

Вдох. Выдох.

Я плотнее прижала медицинскую маску к лицу. Это был мой единственный щит. Под ней — плотно сжатые губы, готовые закричать, и прерывистое дыхание, которое я отчаянно пыталась выровнять. Я вошла бесшумно, как тень, надеясь, что стерильный воздух клиники растворит мой страх прежде, чем он его почувствует.

В VIP-боксе царил полумрак. Тяжелые шторы были задернуты наглухо, отсекая солнечный свет. Кирилл лежал неподвижно. Его лицо, когда-то наглое и цветущее, теперь напоминало посмертную маску из серого воска. Глаза открыты, но этот пустой, подернутый дымкой взгляд в никуда ударил меня под дых сильнее, чем если бы он на меня набросился.

Я замерла у края кровати, боясь издать даже шорох. Мои ладони уже начинали зудеть. Дар внутри меня не спрашивал разрешения — он узнал его. Он рвался к нему, чувствуя каждую надломленную кость, каждый воспаленный нерв в его теле.

— Так это вы — та самая Калинина? — его голос, всё ещё властный, хриплый, разрезал тишину палаты. — Надеюсь, вы стоите тех миллионов, что мой отец перевел этой богдельне.

Я не могла выдавить из себя ни слова. Горло сковал ледяной спазм. Если я заговорю сейчас, мой голос выдаст меня с потрохами. Я стояла, оцепенев, глядя, как он пытается приподнять голову, как его челюсти сжимаются от боли.

— Что вы молчите, доктор? — он снова заговорил, и в его голосе прорезалось привычное раздражение. — Я привык, что врачи вокруг меня лебезят. Вы тоже собираетесь кормить меня сказками о «положительной динамике»? Или скажете честно, что я сдохну в этом кресле?

Я медленно, на негнущихся ногах, сделала ещё один шаг. В нос ударил запах его кожи — теперь к нему примешался горький аромат лекарств, но основа осталась прежней. Та самая, из кабинета химии. Та самая, от которой у меня когда-то кружилась голова.

— Подходите ближе, доктор, — почти прорычал он, и я увидела, как его рука, слабая и дрожащая, оторвалась от простыни и потянулась в пустоту. — Я хочу почувствовать, за что плачу. Какая у вас энергетика? Говорят, вы творите чудеса. Ну так сотворите.

Это был приказ. Момент истины. Я знала, что если сейчас коснусь его, плотина рухнет. Но я была врачом. Я была Мироновой. И я была Калининой.

Я протянула руку и накрыла его ладонь своей.

Контакт был мгновенным. Словно я коснулась оголенного провода под напряжением. Жар из моих ладоней хлынул в него диким, бесконтрольным потоком. Я видела, как он вздрогнул, как его пальцы судорожно сжались, впиваясь в мою кожу. В этот момент я забыла о маске, о клинике, о своей новой жизни. Был только этот поток силы, который пытался пробить черную стену его болезни.

— У вас странные руки, доктор... — прошептал он, и я почувствовала, как его спесь испаряется, сменяясь растерянностью.

Я продолжала молчать. Я не могла говорить — все мои силы уходили на то, чтобы не позволить энергии выжечь нас обоих. Я чувствовала, как он сжимает мои пальцы, как он пытается «впитать» это тепло.

— Ну же, скажите что-нибудь, — потребовал он, и в его голосе прорезалась мольба. — Почему вы молчите?

Я заставила себя сделать вдох. Мой голос, когда я наконец заговорила, был измененным, глубоким и совершенно чужим — я сама его не узнала.

— Я здесь, чтобы лечить, Кирилл Борисович. А не разговаривать.

Я попыталась забрать руку, но он дернул её на себя с неожиданной силой. Я едва не упала на него, уперевшись свободной рукой в матрас. Он жадно втянул воздух, почти касаясь лицом моей кисти.

— Кто вы такая, Калинина? — его голос вибрировал от странного напряжения.

Он вынюхивал меня. Он искал ответы в запахе моего халата, в тепле моей кожи. Я видела, как его ноздри трепещут. Я знала, что он чувствует. Он чувствовал лес. Он чувствовал дождь. Он чувствовал то самое Заречье, которое мы оба пытались похоронить.

— Я ваш врач, — повторила я, на этот раз тверже, и всё-таки вырвала руку.

Я отступила на два шага, чувствуя, как на моем запястье пульсируют следы его пальцев. Кирилл остался лежать, тяжело дыша, его незрячие глаза были широко распахнуты. Он был потрясен. Он был напуган этим теплом так же сильно, как и я.

— Завтра... — мой голос всё еще дрожал. — Завтра мы начнем первый сеанс. Сегодня вам нужно отдохнуть.

Я вышла из палаты, не дожидаясь ответа. Дверь захлопнулась, и я прислонилась к ней спиной, чувствуя, как по ногам разливается слабость. Мои ладони горели так, будто я держала в них раскаленные угли.

Он не узнал меня. Его глаза мертвы. Но его тело... его проклятая интуиция уже начала охоту. И я понимала: каждое мое следующее прикосновение будет делать его сильнее. И каждое прикосновение будет приближать момент, когда он увидит меня не глазами, а сердцем.

А за окном коридора клиники медленно сгущались сумер-

ки, и мне казалось, что из каждого угла на меня смотрит прошлое, которое я так самонадеянно считала мертвым.

Глава 10

Запах лаванды на моих запястьях казался сегодня слишком слабым, почти призрачным. Он не справлялся. Не заглушал тот фантомный аромат горькой полыни, который, казалось, пропитал сами стены VIP-крыла с тех пор, как в палату триста один привезли Кирилла.

Утром, провожая дочек, я задержалась в дверях дольше обычного. Даша, поправляя воротничок новой школьной блузки, нетерпеливо дернула плечом.

— Мам, ну чего ты? Мы опоздаем. И вообще, ты обещала, что если этот твой новый важный пациент такой богатый, ты купишь мне тот планшет с пером.

Я погладила её по волосам, удивляясь, как в этом ребенке уживается моя внешность и эта пугающая, чисто вершининская хватка.

— Сначала я должна его вылечить, Даш.

Маша же, стоявшая рядом, просто коснулась моей ладони. Её пальчики были прохладными, но я почувствовала, как по моей коже пробежала успокаивающая волна.

— Он очень грустный, да? — тихо спросила она. — Твой пациент. Он как будто в тёмной яме. Помоги ему, мамочка.

Если бы ты знала, Машенька, в какой яме сидит этот человек и как он мечтает затянуть туда всех остальных.

В клинике «Мед-Элит» всё шло по расписанию. Я изучила свежие анализы Кирилла — динамики не было. Организм словно застыл в отрицании жизни. Нервные окончания молчали, зрение не возвращалось. Официальная медицина здесь зашла в тупик, и теперь настала очередь Вассы.

Я вошла в палату без стука. Кирилл лежал неподвижно, уставившись в потолок своими незрячими глазами. Услышав мои шаги, он даже не повернул головы, но я заметила, как напряглись его челюсти.

— Пришли мучить меня своими притирками, доктор? — его голос был сухим и колючим.

— Я пришла работать, Кирилл Борисович. Сегодня мы попробуем методику глубокой нейрорелаксации. Вам нужно максимально расслабиться.

Он издал короткий, лающий смешок.

— Расслабиться? В моем положении это звучит как издевательство. Я не чувствую половины собственного тела, а вторая половина болит так, будто её жуют тупыми пилами.

Я молча пододвинула стул к изголовью кровати. На мне были тонкие латексные перчатки — вынужденная мера, чтобы оправдать отсутствие прямого контакта, если кто-то внезапно войдет. Но для силы латекс не был преградой.

— Закройте глаза, — велела я. — Постарайтесь дышать в такт моим движениям.

Я положила руки на его виски. Через перчатки я коснулась его кожи, и мгновенно мой дар отозвался болезненным, яростным толчком. Жар хлынул в мои ладони. Я закрыла глаза и «увидела» его тьму. Это не была просто болезнь. Внутри Кирилла сплелся тугой, черный узел из ярости, страха и невыплаканной боли. Этот узел перекрывал всё: зрение, движение, волю.

Я начала медленно, миллиметр за миллиметром, распутывать эти черные нити. Мои пальцы едва касались его кожи, но я чувствовала, как под ними пульсируют его сосуды. Я вливала в него своё тепло — чистое, лесное, выросшее из трав Заречья.

Кирилл вздрогнул. Его дыхание сбилось.

— Что вы... что вы делаете? — прошептал он. Его голос изменился, потеряв привычную сталь. Теперь в нем звучало растерянное недоумение. — В голове... как будто свет включили. Теплый. Золотой.

— Тише, — я прижала пальцы чуть плотнее. — Не говорите. Просто слушайте это тепло.

Я погружалась глубже. Я видела его поврежденный позвоночник. Там, где врачи видели «необратимые изменения», я видела застой. Энергия просто не могла пройти через плотину его собственного эгоизма и злобы. Я начала пробивать этот затор. Мой лоб покрылся испариной, сердце колотилось так, что отдавалось в кончиках пальцев. Это стоило мне огромных сил — лечить того, кто когда-то хотел тебя уничтожить. Но врачебный долг и знахарская кровь не знали слова «мечь». Только «исцеление».

Постепенно Кирилл начал обмякать. Его плечи, вечно напряженные, опустились. Лицо разгладилось.

— Моя Васса... — едва слышно выдохнул он.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Почему вы так меня назвали? — голос мой дрогнул, и я прокляла себя за эту слабость.

— Не знаю, — он не открывал глаз, его лицо выражало странное блаженство. — Просто пришло в голову. От вас пахнет покоем. Как будто я снова в детстве, в деревне у бабушки... и нет никакой Москвы, никаких денег, никакой аварии. Только солнце и запах нагретой травы. Не уходите.

Пожалуйста.

В этот момент я почти пожалела его. Почти. Я видела перед собой не монстра, а сломленного человека, который в своей темноте нащупал единственный лучик света и вцепился в него со всем отчаянием утопающего.

Сеанс длился около часа. Когда я убрала руки, я чувствовала себя так, будто из меня выкачали всю кровь. В коленях была слабость, в голове — звон. Кирилл спал — впервые за долгое время это был глубокий, естественный сон, а не тяжелое забытие под лекарствами.

Я встала, покачиваясь, и подошла к окну, чтобы сделать глоток воздуха. Окно моего VIP-бокса выходило во внутренний двор клиники, где сейчас всюю кипела работа. Виктор Степанович решил облагородить территорию, чтобы привлечь еще более богатых клиентов, и нанял какую-то крутую ландшафтную фирму.

Я прижалась лбом к прохладному стеклу, глядя вниз. Рабочие в ярких жилетах выгружали из грузовика огромные кусты гортензий и рулоны газона. Среди них выделялся один мужчина. Высокий, широкоплечий, в потертых джинсах и простой серой футболке, которая натянулась на его мощной спине. Он стоял, оперев руки в бока, и раздавал указания.

В его движениях была какая-то фундаментальная уверенность. Он повернул голову, отдавая команду рабочему, и я увидела его профиль. Борода, тронутая ранней сединой, прямой нос, резкая линия подбородка.

Иван.

Мир вокруг меня заложило ватой. Я не могла дышать. Десять лет. Десять лет я бежала от этого образа, от этого запаха дерева и честности, который мерещился мне в каждом встречном.

Иван Огнев. Мой спаситель и мой палач. Он не просто возмужал — он стал похож на скалу, о которую разбиваются любые шторма. На его футболке был логотип: «Грин-Строй. Ландшафтный дизайн». Значит, он всё-таки добился своего. Стал архитектором садов, как и мечтал, когда мы сидели на заборе в Заречье..

Я вдруг вспомнила ту ночь, которую я пыталась забыть и в ко орой я мало чего помнила. Кто же все таки отец моих дочерей?.Тогда Иван сказал мне,что у меня с Вершинином ничего не было.Тогда почему характер моей Даши так похож на Кирилла. Я не проверила Ивану,не верю и до сих пор....

Он внезапно замер, словно почувствовав мой взгляд. Медленно, очень медленно Иван поднял голову и посмотрел прямо на окна третьего этажа. Прямо на меня.

Между нами было тридцать метров воздуха и слой бронированного стекла, но мне показалось, что он коснулся моего лица своим взглядом — тяжелым, узнающим, полным невыплаканной боли и яростного обвинения.

Иван смотрел на меня, а за моей спиной, на роскошной кровати, спал его заклятый враг. Человек, из-за которого Иван совершил свою главную ошибку. И я стояла между ни-

ми, как мост над пропастью, понимая, что мой хрупкий мир, построенный на лжи и побеге, только что взорвался.

Иван не отвел глаз. Он видел меня. Видел мой белый халат, мою маску, которую я так и не успела надеть обратно. Он узнал свою Василису в этой холодной московской врачихе.

Я увидела, как его губы сжались в тонкую линию. Он сделал шаг к входу в клинику, но его окликнул рабочий. Иван остановился, еще на секунду задержал взгляд на моем окне, а потом резко развернулся и ушел за грузовик.

Я рухнула на стул рядом с кроватью Кирилла. Мои руки, только что исцелявшие, теперь тряслись мелкой дрожью.

Они оба здесь. В одном здании. В одном пространстве. Два полюса моей жизни, два моих проклятия. И если Кирилл — это угроза моему будущему, то Иван — это живое напоминание о том, что правда о моих дочерях висит на волоске.

Кирилл во сне пошевелил пальцами руки — той самой, которую я лечила. Это было первое произвольное движение за полгода. Но я не радовалась. Я смотрела на дверь, ожидая, что сейчас она распахнется, и на пороге появится тот, от кого я бежала десять лет, чтобы услышать один-единственный вопрос:

— Где мои дети, Вася?

За окном начинал накрапывать мелкий, холодный дождь, смывая пыль с московских тротуаров, но он не мог смыть то ледяное предчувствие катастрофы, которое окончательно

поселилось в моей груди. Моя война только что перешла в активную фазу, и я не знала, хватит ли у знахарки сил, чтобы вылечить раны, которые вот-вот вскроются у всех нас.

Глава 11

Руки дрожали, когда я пыталась заплести тугую косу Даше. Волосы у неё были густые, своенравные — совсем не такие, как мои послушные пряди. Она вертелась на стуле, то и дело поправляя воротничок школьной формы, и в каждом её движении я видела ту самую породу, которую отчаянно пыталась вытравить из своей памяти.

— Мам, больно же! — Даша резко дернула головой и обернулась, сверкнув глазами. — Ты сегодня какая-то странная. Всё утро в одну точку смотришь.

— Прости, родная, — я заставила себя улыбнуться, хотя внутри всё стягивалось в тугой, ледяной узел. — Просто на работе сложный случай. Задумалась.

Маша сидела напротив, за кухонным столом, и медленно жевала овсянку. Она не капризничала, не требовала внимания. Она просто смотрела на меня своими тихими, всё понимающими глазами. Иногда мне казалось, что дочь видит меня насквозь — видит тот пожар, который полыхает под моим белым халатом.

— Мама, у тебя ладони горячие, — негромко заметила Маша. — Сильнее, чем обычно. Тебе нужно отдохнуть.

Я быстро спрятала руки в карманы домашнего кардигана. Если Маша почувствовала жар, значит, мой контроль трещит по швам. Вчерашний день в клинике «Мед-Элит» про-

шел по мне катком. Сначала Кирилл — разбитый, слепой, но всё такой же ядовитый. А потом... Иван.

Его фигура там, внизу, на залитом дождем асфальте внутреннего двора, до сих пор стояла перед моими глазами. Широкие плечи, уверенный разворот головы, седина на висках... Он больше не был тем пареньком, который катал меня на старом мотоцикле по Заречью. Он стал мужчиной. Опасным. Взрослым. Тем самым, который забрал мою веру в людей в одну грозовую ночь.

На кухонном столе лежал ворох квитанций. Счета за квартиру, оплата дополнительных занятий Даши по английскому, счета из аптеки... Москва была прожорливой. Она не прощала слабости и не давала скидок матерям-одиночкам, даже если они были «золотыми руками» престижной клиники. Мой «стеклянный замок», который я строила десять лет, внезапно показался мне карточным домиком на ветру. Одно движение Кирилла или один вопрос Ивана — и всё рухнет.

Вдруг в ванной раздался резкий, неприятный звук. Словно что-то лопнуло, а затем послышался шум бегущей воды.

— Опять! — вскрикнула Даша, вскакивая со стула. — Мам, там кран совсем сорвало!

Я бросилась в ванную. Из старого смесителя, который я обещала себе поменять еще в прошлом месяце, хлестала струя воды. Я попыталась перекрыть вентиль, но он закис и не поддавался. Вода быстро заливала пол, подбираясь к порогу.

— Черт, черт, черт... — прошептала я, наваливаясь всем весом на ржавый рычаг.

В этот момент зазвонил телефон. На экране высветилось: «Гимназия. Директор». Сердце пропустило удар.

— Да, слушаю, — я прижала трубку к уху плечом, продолжая сражаться с водой.

— Василиса Борисовна? Это Ангелина Сергеевна. Ваша дочь, Дарья, вчера снова... скажем так, проявила излишнюю жесткость. Она подралась с мальчиком из параллельного класса. У ребенка разбита губа, родители в ярости. Нам нужно серьезно поговорить.

— Я... я буду у вас после обеда, — выдохнула я.

Вода уже перелилась через край ванны. Даша стояла в дверях, скрестив руки на груди. На её лице не было ни капли раскаяния — только то самое упрямство, которое я видела в Кирилле, когда он не получал желаемого.

— Он назвал Машу «странной ведьмой», — холодно бросила Даша. — Я просто объяснила ему, что он неправ.

— Даша, в школу! Живо! — прикрикнула я, чувствуя, что нахожусь на грани истерики. — Возьмите зонты, на улице дождь. Идите, Антонина Петровна вас встретит у подъезда.

Когда за девочками захлопнулась дверь, я опустилась прямо в холодную лужу на полу ванной. Вода пропитала джинсы, но мне было плевать. Я закрыла лицо руками.

Десять лет я бежала. Десять лет я убеждала себя, что Заречье — это страшный сон. Но теперь прошлое обложило

меня со всех сторон. Кирилл в палате триста один, Иван — где-то совсем рядом, а мои дети... одна сражается с миром кулаками, а вторая видит то, что не должна видеть.

Я встала, нашла в кладовке старый разводной ключ и попыталась еще раз. Тщетно. Смеситель продолжал плевать водой, словно насмехаясь над моим дипломом врача и моими «золотыми руками». Здесь, в обычной московской квартире, мой дар был бесполезен. Я не могла исцелить железо.

Звонок в домофон заставил меня вздрогнуть.

Кто? Доставки я не ждала. Соседи? Наверное, я уже начала заливать нижний этаж.

Я подошла к трубке, вытирая мокрые руки о бедра.

— Да?

— Василиса Борисовна? — голос из динамика был искажен помехами, но я узнала его мгновенно. Этот низкий, с хрипотцой тембр заставил мои колени подогнуться. — Это из тридцать четвертой квартиры, снизу. У нас по стене в санузле вода течет. К вам слесарь пришел. Открывайте.

Я замерла, не в силах нажать на кнопку. Слесарь? Откуда он так быстро? И почему голос соседа кажется таким... знакомым?

Я нажала «открыть», чувствуя, как внутри всё заледенело.

Прошло несколько минут, которые показались мне вечностью. Я стояла в коридоре, глядя на входную дверь, словно за ней прятался палач. Раздался негромкий, уверенный стук.

Я потянула ручку.

На пороге стоял мужчина. На нем была рабочая куртка с логотипом строительной фирмы, которую я видела вчера на грузовике во дворе клиники. В руках — потрёпанный чемоданчик с инструментами. Он не был похож на обычного коммунальщика. Слишком прямая спина, слишком властный взгляд.

Иван.

Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах не было ни капли того тепла, которое я помнила по нашему детству. Там была только холодная, расчетливая ярость и горькое торжество.

— Здравствуй, Вася, — негромко произнес он. — Давненько не виделись.

— Что ты здесь делаешь? — я попыталась закрыть дверь, но он ловко подставил ботинок. Тяжелый, рабочий ботинок, который не сдвинуть с места.

— Я же сказал: соседи снизу жалуются. У меня фирма по соседству объект ведет, они меня знают. Попросили зайти, глянуть, пока аварийка едет.

Он без приглашения шагнул в квартиру, отодвигая меня плечом. Иван окинул взглядом мою прихожую — скромную, заваленную детскими кроссовками и зонтами. Его взгляд задержался на розовом рюкзаке Даши, который она забыла на банкетке.

— Значит, Миронова стала Калининой, — хмыкнул он,

проходя вглубь коридора. — Хорошо зашифровалась. Даже я не сразу нашел.

— Уходи, Иван. У меня всё в порядке. Я сама справлюсь.

— Ага, я вижу, как ты справляешься, — он кивнул в сторону ванной, откуда продолжал доноситься шум воды. — Хватит строить из себя гордую медалистку, Вася. У тебя потоп. А у меня — ключи.

Он прошел в ванную, бросил чемоданчик на пол и, не оборачиваясь, скомандовал:

— Полотенца носи. И поддержи фонарик. Сейчас мы твою течь устранять будем. И заодно поговорим. Нам ведь есть о чем поговорить за эти десять лет, правда?

Я стояла в дверях собственной ванной, глядя на его широкую спину, и понимала: мой «стеклянный замок» разлетелся вдребезги. Иван Огнев вернулся в мою жизнь. И, судя по его взгляду, он пришел не чинить краны, а вырывать правду, которую я так бережно хранила всё это время.

— Где мой фонарик, Вася? — он обернулся, и в полумраке ванной его глаза сверкнули так же, как в ту ночь десять лет назад. — Не заставляй меня ждать. Я этого очень не люблю.

Глава12(Иван)

(от лица Ивана)

Дверь открылась, и на меня пахнуло чем-то, от чего в груди мгновенно сделалось тесно. Это был не запах дорогого парфюма или больничных антисептиков. Это был запах её кожи — теплая ваниль и едва уловимая лесная свежесть, которую я не смог выветрить из своей памяти за десять долгих лет.

Она стояла передо мной, вцепившись в ручку двери так, что костяшки пальцев побелели. Моя Васька. Только т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.